

- ~~11. Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции / И. В. Пьянков. М., 1997.~~
~~12. Толстой Н. И. К реконструкции древнеславянской духовной культуры: (лингвоэтнографический аспект) / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Загреб-Люблина, сентябрь 1978 г. М., 1978. С. 364-385.~~
~~13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. Т. 1. М., 1967.~~

~~А. К. Кайржанов~~

~~ДАВНІ ТЮРКИ ТА СЛОВ'ЯНИ: АСПЕКТ АКУЛЬТУРАЦІЇ~~

~~У статті висвітлено проблеми акультурації між давніми тюрками та східними слов'янами. Розкрито еквівалентні між досліджуваними етносами світоглядні парадигми, утворені в давні часи.~~

~~Ключові слова: тюрко-слов'янські контакти, акультурація, давня Європа, тривір'я, триглосія, сонячні божества.~~

~~А. К. Kairzhanov~~

~~ANCIENT TURKS AND SLAVS IN THE LIGHT OF ACCULTURATION~~

~~In the article acculturation problems between ancient Turks and east Slavs are illustrated. The author investigates the equivalent world outlook paradigms of ethnoses appeared in ancient world.~~

~~Key words: Turk-Slav contacts, acculturation, three religions, three languages, solar deities.~~

УДК 81—13'27:911.375.4:001.51

Е. Н. СТЕПАНОВ

ГОРОД В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье дан анализ урбанолингвистических исследований нового и новейшего времени, осуществлённых в рамках диалектически взаимообусловленных научных парадигм: сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической. Определено место урбанолингвистики среди других направлений урбанологии и место русской урбанолингвистики в мировых исследованиях языка города.

Ключевые слова: русское городское койне, урбанолингвистика, научная парадигма, сравнительно-историческая парадигма, системно-структурная парадигма, антропоцентрическая парадигма.

Город и село (деревня) — исторически сложившиеся, территориально локализованные специфические формы организации жизнедеятельности общества, которые представляют в современной картине мира компоненты бинарной оппозиции, различающиеся количественным, формальным, функциональным, аксиологическим параметрами социально-пространственной структуры. В современной научной парадигме *город* феноменологически противостоит *деревне*. Исследования в области языка города указывают на множественность подсистем технической и социальной городской инфраструктуры, обеспечивающих витальные и социально-личностные потребности горожан (геолого-архитектурная подсистема, энергоснабжение, водоснабжение и водоотведение, экономика, транспорт, связь, административно-территориальное устройство, управление и самоуправление, защита жизни, здоровья и имущества жителей, социально-стратификационная подсистема, этносоциальная и этноязыковая подсистемы, наука, образование, культура и искусство).

Механизмы взаимосвязанного функционирования этих подсистем, интегративная междисциплинарность урбанологии и *урбанолингвистики* обуславливают полипарадигмальный подход к научному исследованию *вопросов языка* города.

Смена научных парадигм представляет историю науки. В языкознании имеются разные подходы к выделению научных лингвистических парадигм. Нам представляется, что наиболее оптимальной является система парадигм, соответствующая общим исследовательским тенденциям и закономерностям в истории научного познания. В лингвистике это расширяющаяся система, состоящая на данном этапе из трёх равнозначных парадигм: *сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической*. «Каждая из существующих парадигм содержит своё рациональное зерно, свои открытия и взлёты, но охватить все “лики” языка, все его аспекты ни одна из них пока не в состоянии» [50, с. 18]. Именно поэтому всякая новая па-

радика не отменяет предыдущую, а лишь на определённое время становится приоритетной благодаря получению возможности для исследователей изучить грани языка, недоступные либо малодоступные при использовании научного инструментария предыдущих / иных парадигм.

История научного исследования проблем языка города приводит нас к выводу о том, что на любом этапе научного познания мира эти проблемы не могли рассматриваться вне антропоцентрической парадигмы, без изучения горожанина как субъекта речевой деятельности. Однако общая направленность исследований в области урбанолингвистики на этапах приоритетного использования методологии и инструментария других парадигм была подчинена тем задачам, которые были наиболее актуальными в науке в целом.

Первые попытки научного осмысления генезиса и развития городов появились на рубеже XIX—XX вв. Основатель геополитики Ф. Ратцель, определяя рамки географии человека, назвал городом «долговременное скопление людей и их жилищ, занимающее значительное пространство и расположенное в центре крупных коммуникаций». Учёный выделил три признака, по которым город отличается от села и которые обычно упоминаются в последующих определениях феномена города: 1) специфика основных видов деятельности (промышленность и торговля); 2) плотность жилой застройки (плотное «скопление жилищ»); 3) численность населения (минимальный предел 2 тыс. жителей) [57]. Определение Ф. Ратцеля отражает технократический подход к изучению проблем города и свидетельствует о преобладании в науке того времени предметно-ориентированной пространственно-временной рефлексии бинарного объектно-субъектного кода данного феномена. В этот период город обычно изучался в рамках сравнительно-исторической научной парадигмы. Сравнительно-исторически рассматриваются вопросы экономической, военно-политической, демографической, научной, культурной, духовно-психологической жизни городов, их роли в цивилизационном процессе, в этноязыковой эволюции общества, в эволюции биосистемы. Для выяснения причин современной урбанизации исследователи часто обращаются к сравнению тех или иных процессов с подобными процессами и их причинами в древнем Египте, Междуречье, Греции, Риме, средневековой Европе [напр.: 9; 85; 21]. Хронологический признак является ключевым в исследовании истории города И. М. Гревсом, который образно трактует город как центр «культурного притяжения» и «лучеиспускания», высший показатель цивилизованности, «прекраснейший путеводитель хода истории и её судеб» [19]. В связи с этим М. М. Бахтин заметил, что древний город воспринимается наукой не как «мертвенная руина, лишённая всякой связи с окружающей современностью и всякого влияния на неё», а как «существенный и живой след прошлого в настоящем» [6, с. 224]. В современных урбанолингвистических исследованиях продолжают широко использовать сравнительно-исторический подход.

Своеобразие отечественных урбанолингвистических исследований периода господства сравнительно-исторической научной парадигмы заключается в том, что российские лингвисты на этом этапе систематизируют языковой материал на основе сравнения его использования в городе и деревне, а также пытаются установить особенности русской речи в разных городах, исходя из истории их создания и заселения разными этническими группами. На этом этапе развития лингвистики складывается учение о диалектах русского языка как языковых образованиях, противопоставленных литературному языку — наддиалектной форме существования языка, генетически связанной с городом [44, с. 189]. Русская речевая литературная норма к середине XIX века ориентируется на городскую речь, как правило, Москвы и Санкт-Петербурга [14, с. 48—54, 355; 37, с. 8—10, 112—116; 23, с. 646—702; 16, с. 9].

В XIX в. некоторые исследователи указывают на существование ряда фонетических, лексических и грамматических особенностей русской речи в нестоличных городах Российской империи. Раньше других к изучению этой проблемы с научной точки зрения обратился К. П. Зеленецкий, профессор Ришельевского лицея в Одессе. Особенности русской речи жителей городов Новороссийского края: Одессы, Таганрога, Бердянска, Николаева — он связывает с влиянием других этнических языков и русской диалектной речи: «...В Новороссийском крае, при большом числе обруселых инородцев, нет единства в составе русского народонаселения» [29, с. 9]. Фонетические, лексические, грамматические особенности русской речи Одессы и прилегающего к Одессе региона пытается выявить, систематизировать и проанализировать в конце XIX в. В. Долопчев [22]. В середине XIX в. разгорается полемика между москвичами и петербуржцами о том, кто правильное говорит по-русски. Эта полемика носит публицистический характер и находит отражение на страницах журнала «Современник» (1859). Вот, например, строки о Петербурге из «Московского стихотворения» (1859) Н. А. Некрасова: *В употреблении там гнусный рижский квас, / С немецким языком там перемешан русский, / И над обоими господствует французский, / А речи истинно народный оборот / Там редок столько же, как честный патриот!*

Об особенностях речи жителей разных городов делают замечания писатели на страницах художественных произведений. Например, о большом количестве заимствований в речи петербуржцев у А. С. Пушкина: *Но панталоны, фрак, жилет, / Всех этих слов на русском нет; / А вижу я, винюся пред вами, / Что уж и так мой бедный слог / Пестреть гораздо б*

меньше мог / Иноплеменными словами... («Евгений Онегин», 1, XXVI). У Ф. М. Достоевского в «Скверном анекдоте» (1862) находим: *«Есть два существенные и незбылемые признака, по которым вы тотчас же отличите настоящего русского от петербургского русского. Первый признак состоит в том, что все петербургские русские, все без исключения, никогда не говорят: „Петербургские ведомости“, а всегда говорят: „Академические ведомости“. Вторым, одинаково существенным, признаком состоит в том, что петербургский русский никогда не употребляет слово „завтрак“, а всегда говорит: „фрыштик“, особенно напирая на звук фры»*. С научной точки зрения причины речевых различий москвичей и петербуржцев стали рассматриваться значительно позже.

В произведениях О. Рабиновича, А. Куприна, В. Катаева, К. Паустовского, В. Жаботинского и многих других писателей, писавших в Одессе либо об Одессе XIX — начала XX в., находим немало метаязыковых замечаний, в которых толкуются используемые в речи героев одессизмы. Например: *Двое из его помощников рыскали по городу, а третий взвешивал на с к а н д а л е какой-то продукт* (О. Рабинович. «Мориц Сефарди»). В примечании автор толкует слово *с к а н д а л*: «От итал. „scandaglio“, поверка, испытание. Так называется небольшой металлический аппарат, по которому узнаётся вес в четверти зернового хлеба» [56, с. 88]. *В Одессе «занять денег» значит не брать займы, а дать займы* (В. М. Дорошевич «Одесский язык»). *Одесситы приняли меня так хорошо, что я, со своей стороны, был бы не против того, чтобы отблагодарить их небольшим подарком: поднести им в вечное и постоянное пользование букву „Ы“* (А. Аверченко. «Одесса»). *Ну а что касается м и т р а л ь е з, то они не имели ничего общего со знаменитыми митральезами Парижской коммуны. Это были толстые картонные трубочки, заклеенные с одной стороны папиросной бумагой, в то время как с другой стороны, из глухого картонного кружка, торчала верёвочка, за которую нужно было дёрнуть, и тогда из митральезы с лёгким и нестрашным выстрелом вылетал заряд: пороховой дымок и пригоршня бумажных конфетти...* (В. Катаев. «Разбитая жизнь, или волшебный рог Оберона»). *...Нужно было двумя пальцами взять грецкий орех — иногда у нас в городе его называли волошский...* (Там же). *...Малхамузы — маленькие жидовские повозочки без рессор, кучера которых на козлах сидели чуть не голые. Их брали студенты и другая небогатая публика...* (К. Скальковский. «Воспоминания молодости: По морю житейскому, 1843—1869»).

Таким образом, сравнительно-историческая парадигма в изучении языка города используется для выявления собственно городских концептов и их отделения от тех, которые являются общими для языка. Эта парадигма используется также для наблюдения за процессами влияния на речь горожан диалектной речи определённого региона и иноязычной речи, для изучения особенностей развития городских койне либо региолектов. С помощью этой парадигмы прослеживаются процессы изменения цивилизационных и этноязыковых приоритетов в речи жителей разных городов.

С конца XIX в. в градovedческие исследования проникают приёмы **структурной (системно-структурной) научной парадигмы**, которая становится основной при приоритетном использовании технократического подхода. Структурные исследования в урбанографии обусловлены прежде всего необходимостью решать острые задачи научно-технической революции и потребностями обеспечения безопасности жизни горожан в условиях стремительно растущих промышленных мегаполисов. Город в урбанографических исследованиях, выполненных в рамках структурной парадигмы, обычно представлен как некая структурированная целостность и / или как часть более сложной структуры. Однако в основании исследуемой структуры город как пространственно-временной объект неизменно изучается во взаимодействии с населяющими его жителями, городом-субъектом. Для периода приоритетного использования инструментария системно-структурной научной парадигмы характерны дефиниции города, подчёркивающие его структурную моделируемость, систематизированную комплексность, целостность. Так, американский урбанист Рэймонд Мерфи заключает, что «обычно под городом имеют в виду целостную территориальную единицу с высокой плотностью населения, значительным числом жителей» [51, с. 5], считая определяющими при изучении города как объекта географический и административный признаки, а при изучении города как субъекта — демографический признак. Н. А. Аитов, рассматривая город как «определённую пространственную форму организации жизни людей, социальную ячейку общества, ...которая охватывает все виды и этапы человеческой жизни» [1, с. 60—61], по сути, признаёт определяющими географический, социовитальный и хронологический признаки. Здесь чётко проявляется взаимосвязь подходов приоритетной структурной парадигмы с подходами уступившей ей сравнительно-исторической и остающейся на периферии антропоцентрической парадигм. Близкой к данной позиции является точка зрения А. С. Сиявского, ставящего на первое место историко-хронологический признак: «Город — это исторически определённая форма социально-территориальной организации, а также форма поселения, элемент территориально-поселенческой структуры, социально-экономическая сторона которого обусловлена природой существующих в обществе отношений» [63, с. 33]. Как тер-

риториальное образование со специфической экологической (естественная среда), технической (инфраструктура) и демографической системами представляет город Л. А. Зеленов [30]. Методы и приёмы структурной парадигмы сочетаются с методами и приёмами антропоцентрической и сравнительно-исторической парадигм в исследовании Льюиса Мамфорда (Lewis Mumford). Распространяя теорию эмерджентной эволюции (скачкообразного развития) на феномен города, Л. Мамфорд представляет город как эмерджент, возникновение которого в древнем обществе стало одним из цивилизационных скачков, так как вызвало всеобъемлющее изменение структуры экономической, духовной и культурной жизни социума и обусловило развитие человеческих способностей во всех направлениях [87].

Приоритет системно-структурной научной парадигмы своеобразно отразился на проблематике отечественных и зарубежных урбанолингвистических исследований. Их основной целью стало создание лингвистически ориентированных моделей города. В процессе осуществления этой цели исследователи изучали фонетические, лексические, фразеологические, грамматические, идеографические особенности речи разных этнических, профессиональных и других социальных групп городского населения, представляя городскую речь как совокупность субкодов (подсистем) единого языкового кода [7, с. 24—25], используемых горожанами, как реализацию поликомпонентной языковой ситуации. Так, в 1920—1930-е годы ведущие отечественные учёные начали активно исследовать многие проблемы языка города: вопрос о влиянии на формирование и развитие норм русского литературного языка, начиная с XVII века, *городского просторечия*, разных *стилей городского обиходного языка*, *просторечия демократических масс города* [см., напр.: 14, с. 49—54, 478—482]; вопросы теории и практики *городского языкового быта*; систему *городских аргю, жаргонов, специальных профессиональных языков, городских говоров*, механизмы их взаимодействия и воздействия на литературный язык; *билингвизм и полилингвизм/полиглоти́зм горожан*; *языковая политика* государства в многоязычном городе); вопросы фонетической и грамматической *ассимиляции* и идеографической *дифференциации* компонентов *языковой ситуации города* [см., напр.: 44; 45; 28; 35; 17].

Советская школа урбанолингвистики была одной из первых в мире. Уже в 1926 г. Б. А. Ларин видел причины кризиса лингвистических исследований в игнорировании изучения языка города: «Если картографически представить лингвистическую разработку ... современной Европы, то самыми поразительными пробелами на ней оказались бы не отдалённые и неприступные уголки, а именно большие города. Из всего языкового богатства этих сложных конгломератов изучались только литературные языки. Но, развиваясь на языковой почве города, они давно стали экстерриториальными и, в своей теперешней функции, как бы «не помнящими родства». Оттого и их изучение как-то обходилось без обращения к их непосредственному лингвистическому окружению. Но именно оттого, что изучение «языка города» не сложилось до сих пор, так шатки и неполны у нас и исторические и стилистические объяснения литературных языков. Городской фольклор, неканонизированные виды письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения — оказывают непосредственное и огромное воздействие на нормализуемый литературный язык, на «высокие» его формы» [45, с. 175—176]. Данное замечание фактически констатирует смену научной парадигмы: методы и приёмы сравнительно-исторической парадигмы уже не справлялись с объёмом задач, поставленных обществом перед языкознанием. Первостепенным в этом процессе усматривалось изучение социолингвистической структуры языкового кода, в первую очередь, путём рассмотрения социальных диалектов и других идиомов городского языкового быта. Разумеется, на новый уровень необходимо было поднять и исследования собственно лингвистической (формальной) структуры языка и всех его субкодов. Таким образом, необходимость изучить язык города стала в первой трети XX в. одним из основных факторов утверждения в языкознании приоритета структурной парадигмы.

В середине 1930-х годов урбанолингвистические исследования в СССР пришлось свернуть по идеологическим соображениям. ВКП(б) взяла курс на социальное равенство советских граждан, стирание границ между городом и деревней, активное этнокультурное и языковое взаимодействие народов СССР с целью создания единого советского народа. Особенности же каждого из языковых субкодов подчёркивали социальные различия, а не единство их носителей. Методы и приёмы структурной парадигмы в русистике до конца 1960-х годов стали использоваться односторонне: без социолингвистической составляющей. С собственно лингвистической стороны рассматривался, в первую очередь, русский литературный язык. Изучение территориальных диалектов было подчинено исследованию истории языка, а практическая деятельность учителей-русистов была направлена на воспитание культуры устной и письменной речи на основе единой литературной нормы, практически не предусматривавшей региональной вариативности (за исключением немногих различий в литературном произношении жителей Москвы и Ленинграда).

В языковедческих центрах Европы и Америки изучением языка города долгое время пренебрегали, считая городскую речь «нечистой», «смешанной» в результате беспорядочного соединения в «языковом котле» города разных языков, стилей, литературного языка и диалектов и под. Преобладала отрицательная оценка понятия «язык города». Этот взгляд на язык города

нельзя признать научным. В отечественном гуманитарном пространстве он обычно характерен для журналистов, артистов эстрады, писателей, публицистов. Так, эту точку зрения высказали одесские журналисты А. Стецюченко и А. Осташко в предисловии к своему популярному изданию: «Характерная черта законов одесского языка состоит в том, что их просто не существует» [77, с. 7]).

Американские и европейские лингвисты серьёзно начали изучать язык города лишь в 1960-е годы. Исследуя систему фонетических, синтаксических, морфологических средств английского и некоторых других языков США, Европы и Азии, учёные столкнулись с необходимостью научной интерпретации вариативных явлений собственно лингвистической и социолингвистической структуры, которые были замечены в речи постоянных жителей некоторых городов, даже городских районов. В США это было связано также с разработкой государственных программ социальной адаптации афроамериканцев, пуэрториканцев, мексиканцев, которые вели обособленный образ жизни и, как правило, находились за чертой бедности. В этот период были проведены исследования социальной стратификации английской речи городов Нью-Йорка (W. Labov 1961, 1964, 1966), Детройта (R. Shuy, W. Wolfram, W. K. Riley 1967), Чикаго, Кливленда, Лафайетта, Чарлстона, Гринвилла (J. A. Drake 1961; H. Kurath, R. I. McDavid, Jr 1961, 1964; L. Pederson 1964) негритянских гетто некоторых других городов (W. Labov, P. Cohen, C. Robins, J. Lewis 1968) на основе её фонологических, грамматических и лексических вариантов, исследование испанско-английского двуязычия в пуэрториканских общинах городов Нью-Йорка и Джерси-Сити (J. J. Gumperz, J. Fishman, R. L. Cooper, R. Ma и др. 1968) и некоторые другие [42, с. 117—128; 43; 48]. Использование структурных методов исследования даёт возможность детально систематизировать общественные отношения в городе, показать его пространство как определяющую символические и культурные смыслы мастерски сконструированную социальную систему [88, р. 49].

Изучение языковой ситуации города, где на небольшой территории, как правило, мозаично расселяются и взаимодействуют представители разных социальных групп и конфессий, носители разных языков, диалектов, культур, во многом способствовало разработке ко второй половине XX в. основ социолингвистики как самостоятельной дисциплины, развившейся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии. Мы выделяем урбанолингвистику как одно из ведущих направлений современной социолингвистики, в рамках которого в период господства структурной научной парадигмы возникли и развивались разнообразные научные проблемы: языковое и диалектное контактирование в городе; языковая практика и социальные роли горожан; язык города и политические процессы; идиомы города и их место в языковом пространстве мира, страны, региона; языковое портретирование городов на определённых хронологических срезах (в том числе перспективное); язык города и его роль в литературе и искусстве; семиотика городского текста и городские прецедентные феномены; городская топонимия и антропонимия.

Успешное использование методики структурных исследований в социологии заставило научную общественность осознать тот факт, что именно город явился в истории человечества «создателем нового типа пространства — социального, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую многогранную структуру общества, основанную на осознании глубоких различий и противоречий между ними, социальных, политических, экономических и этнических неравновесий» [79, с. 20—21]. Город представляет собой социально упорядоченную структуру. Язык города коррелирует с его социальной структурой. Следовательно, структурная парадигма языка города включает пересекающиеся и взаимодействующие собственно лингвистические и экстралингвистические структуры. Так, в городах, значительная часть населения которых непосредственно или через родственников связана с каким-либо одним видом профессиональной деятельности, обязательно имеется профессиональное арг, где многие единицы изменяют свой функциональный статус, предусмотренный общезыковыми нормами. Многие единицы профессионального арг функционируют как единицы городского койне, то есть общегородского просторечия, а часто проникают и в региональную литературную речь. Это явление нетрудно обнаружить в речи жителей городов, которые принято называть шахтёрскими, портовыми, курортными, городами нефтяников, металлургов, химиков, военных. В речи жителей таких городов как литературные функционируют метафоры, образованные на базе терминов и профессионализмов. Например, в портовых городах: *сойти на берег* = «уйти в отставку», «уйти на пенсию»; *табанить* — «двигаться назад», «выполнять манёвр заднего хода»; в Одессе *лёгкий бриз* — «освежающий массаж»; *круиз в один конец* — в начале XX в. «рейс с каторжниками на Сахалин» и др. Профессионально обусловленные регионализмы нередко имплантируются в общеупотребительное просторечие и даже в литературный язык: из речи жителей шахтёрских городов пришли фразеологизмы *выдать на гора* = «произвести (о продукции)» (выдать на гора тысячи сверхплановых пар обуви, десятки тонн мяса, сотни литров молока и т. д.); *пустая (бесполезная) порода* = «некачественное изделие», «несерьёзный человек», «безрезультатное дело».

Исследования в области языка города возобновились в СССР лишь в 1970-е годы. Одними из первых появились работы о региональных особенностях речи жителей Перми [24], Томска [4] и о русских арго досоветской, а затем и советской эпохи [10; 11]. Язык города вновь становится объектом исследования академических учреждений [18; 31]. В советском языкознании появляются работы, в которых систематизируются разные аспекты городской речи. В. В. Колесов на примере городской речи С.-Петербурга показывает её особенности, характерные для разных городских сословий, некоторых этнических групп, сравнивает речь Петербурга с образцовой старомосковской речью XIX в. [37]. В ряде работ рассматривается вопрос о языковых ситуациях в Саратове [64], Киеве [83; 39], Одессе [67], городах Крыма [8], Донбасса [38] и др. Широко понимая текст, Ю. М. Лотман и В. В. Иванов [46; 32; 33] семиотически моделируют город, сравнивая его структуру со структурой текста. Город, по мнению Ю. М. Лотмана, является гипертекстом, в котором в социальных знаках закреплена информация о многообразии жизни, который объединяет всю совокупность артефактов, зафиксированных в определённое время на определённом пространстве и описанных с помощью разных семиотических кодов. Город — «котёл текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [46, с. 35]. Во многих работах исследуются фонетические, лексические, лексикографические, фразеологические, грамматические особенности речи жителей ряда городов, возникающие под влиянием диалектной либо иноязычной речи, в разных ситуациях социальной коммуникации, в результате следования историко-культурным традициям города и региона, в котором он находится [напр.: 27; 54; 79; 34; 15]. Подобные исследования появляются в этот период не только в русистике, но и в украинистике, полонистике, болгаристике, словенистике, германистике и т. д. [напр.: 89; 91; 90; 3]

Одним из достижений русской урбанолингвистики в период преимущественного использования в языкознании методов и приёмов структурной научной парадигмы является начавшийся процесс инвентаризации территориально и/или социально ориентированных лексических, фразеологических, словообразовательных, фонетических, грамматических средств разных русских городских койне и частичный лингвистический анализ этих средств. Наиболее ярко эта работа выразилась в систематизации лексических средств в словарях. Уже проведена лексикографическая обработка местных особенностей русской речи некоторых социальных слоёв жителей Москвы, С.-Петербурга, Омска, Магнитогорска, Уфы, Киева, Пскова, Одессы, Бердянска и некоторых других городов [23; 62; 65; 49; 12; 40; 53]. Кроме учёных, составлением словарей городской речи начали заниматься и художники слова, журналисты [напр.: 66; 5].

Таким образом, основными достижениями в изучении языка города в период господства в языкознании структурной парадигмы является признание языка города упорядоченной структурой; стратификационное, функциональное, ситуативное, семиотическое, идеографическое структурирование речи горожан; разработка способов обнаружения, систематизации и инвентаризации фонетических, лексических, словообразовательных, фразеологических, грамматических особенностей разных городских койне; анализ собственно лингвистических и экстралингвистических причин, порождающих эти особенности; моделирование городского текста.

Уже в первой трети XX века, когда сравнительно-историческая парадигма в научных исследованиях уступала место системно-структурной парадигме, в отечественной урбанологии город как объект исследования мыслился только в связи со своим субъектом — горожанами. Так, Н. П. Анциферов характеризовал город как сложный социальный организм, основное место развития культуры (в широком, цивилизационно-ценностном понимании), сильнейший и выразительнейший носитель культурно-творческого труда человечества [2]. Интегративно, как «сгусток культуры, её кристалл», «высеченные из камня формы человеческой культуры, выразительный памятник человеческой истории», город оценивает О. М. Рындина [61, с. 148—149].

1990—2000-е годы — время новых изменений в исследовательских приоритетах. В урбанологии, как и в других гуманитарных и интегративных науках, приоритетными становятся органический подход к исследованиям и антропоцентрическая парадигма. Интерес исследователей переключается с основного объекта познания (города и его структурных составляющих) на субъект — горожан, их экономические, политические, социальные, культурные, образовательные, рекреационные и другие потребности. В градоведческих исследованиях конца XX — начала XXI в. правила и приёмы антропоцентрической парадигмы органично сочетаются с правилами и приёмами сравнительно-исторической и системно-структурной парадигм. Это находит отражение в определениях понятия «город». Так, А. А. Сванидзе и М. В. Никитин считают, что «город не просто тип поселения или занятий, но образ жизни со своим бытом, производственным и общественным укладом, формами общежития, значительной и влиятельной субкультурой» [52, с. 263]. Н. А. Гайдамак полагает, что онтологически современный город представляет собой «особое коммуникативно-культурное пространство, сложившееся исторически, вырабатывающее социальные и поведенческие стандарты существования и общения» [15, с. 38]. М. Н. Веселова рассматривает город как сложное образование, обладающее своей структурой и целостностью, связанностью, знаковостью, ограниченностью и диалогичностью [13, с. 48].

Накопив определённую сумму исторических, формальных и социальных знаний о языке, лингвистическая наука получила возможность в центр своих исследований поставить человека как модус существования языка, как создателя и интерпретатора языка в процессе своей коммуникативной деятельности. Антропоцентризм новейших лингвистических исследований открывает пути развития идей В. Гумбольдта о языке как посреднике между внешним миром явлений и внутренним миром человека, И. А. Бодуэна де Куртенэ — о существовании языка только в индивидуальной психике его носителей, составляющих языковое сообщество, Э. Бенвениста — о каналах «присвоения языка говорящим», Ю. С. Степанова — о лингвистике как науке о языке в человеке и о человеке в языке, Б. А. Серебrenникова — о роли человеческого фактора в языке. Всё активнее интересы учёных переключаются с объектов познания на его субъект. Вслед за требованиями изучать систему и структуру языка выдвигаются новые задачи: изучать языковую способность, зафиксированные в языке знания о мире, языковую компетенцию носителя языка [50, с. 12—19, 50]. Лингвистика на первый план выдвигает проблемы, успешное решение которых невозможно без использования инструментария антропоцентрической научной парадигмы.

В центре урбанолингвистических исследований в связи со сменой исследовательских приоритетов оказываются когнитивные, психолингвистические, лингвокультурологические, этнолингвистические проблемы языковой практики человека в городе, вопросы изучения языковой личности горожанина, его языковой картины мира; открываются новые горизонты исследования городского текста и идиостилистики его создателей, процессов порождения новых смыслов и форм в индивидуальном сознании и их закрепления либо затухания в коллективном коммуникативном пространстве города, в том числе в его топонимиконе и антропонимиконе.

В русской урбанолингвистике рассмотрение многих научных проблем в прежние периоды сдерживалось неразработанностью антропоцентрического исследовательского инструментария. Широкий круг вопросов не мог быть решён в рамках системно-структурного и сравнительно-исторического подходов. Думается, что новые подходы будут способствовать более активному исследованию языка города. Первые удачные попытки уже сделаны. Представители уральской и московской лингвистических школ стали первыми, кто серьёзно начал исследовать языковую личность горожанина в коммуникативном, когнитивном, лингвокультурологическом, концептуальном, психо- и менталингвистическом аспектах. Так, в работах И. В. Шалиной и Н. А. Купиной описаны разные лингвокультурные сценарии и типы горожан-уральцев [напр.: 80; 81; 82; 41], М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова исследуют лингвокоммуникативный и лингвокультурный аспекты русской речи москвичей [36], вопросы коммуникативной и психолингвистической специфики речевого портрета горожанина изучают Л. А. Грузберг, Т. И. Ерофеева и некоторые другие исследователи [напр.: 20; 25; 26], специфика коммуникативного поведения жителя полилингвистического и полиэтнического города рассматривается в работах Е. А. Яковлевой [84]. Эту научную проблематику дополняют исследования лингвоментальности жителей современного города [55], индивидуальной картины мира горожанина и формирования на её основе идиолекта [47]. Последнее исследование во многом может способствовать изучению идиостилистики поэтов и писателей города. В некоторых наших работах и работах наших учеников также использованы элементы антропоцентрической научной парадигмы. Это касается изучения вопросов формирования и реализации языковой и концептуальной картины мира горожанина в повседневной, профессиональной, межэтнической коммуникации, вопросов влияния лингвокультурных пространств Одессы, Санкт-Петербурга, некоторых других городов на специфику возникающих и фиксирующихся в речи их жителей городских прецедентных феноменов, влияния этнолингвокультурного пространства Одессы на формирование языковой картины мира А. С. Пушкина, некоторых других писателей [напр.: 60; 68; 69; 70; 72; 73; 74; 75; 76; 58; 59].

В целом, проблем в области урбанолингвистики, которые нуждаются в осмыслении и описании, намного больше, чем тех, которые уже осмыслены и описаны. Современная урбанолингвистика нуждается в разработке комплексной интегративной методики исследования. Использование подходов и средств антропоцентрической парадигмы в сочетании с подходами и средствами диалектически взаимообусловленных с ней системно-структурной и сравнительно-исторической парадигм в урбанолингвистике должно привести к новым открытиям не только в области языковедения, но и в области других гуманитарных и естественных наук, имеющих точки соприкосновения с языком города.

1. Аитов Н. А. Социальное развитие городов: сущность и перспективы / Н. А. Аитов // Новое в жизни, науке и технике. Сер. Научный коммунизм. — М.: Знание, 1979. — № 5. — 64 с.

2. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. — 2-е изд. / Николай Павлович Анциферов. — Л.: Сеятель, 1926. — 140 с.

3. Байчев Б. Велико-Търновският език: Социолінгвістическо проучване на великотърновската градска реч / Б. Байчев, М. Виденов. — Велико Търново: Абагар, 1999. — 388 с.

4. Банкова Т. Б. Лексика томского городского просторечия (типология описания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык. — Томск, 1987. — 192 с.
5. Баранов В. Словарь толкового бердянского языка / Валерий Баранов. — Бердянск, 2002. — 222 с.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
7. Беликов В. И. Социолінгвістика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — М.: РГГУ, 2001. — 448 с.
8. Богданович Г. Ю. Русский язык в мультикультурной языковой ситуации (по данным социолінгвістических исследований) // Наука и образование Крыма. — Симферополь, 2002. — № 2. — С. 11—26.
9. Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение: сборник / Под ред. К. Бюхера; [пер. с нем.]. — СПб.: Просвещение, 1905. — 208 с.
10. Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев: Словопроизводство / В. Д. Бондалетов. — Рязань, 1980. — 105 с.
11. Бондалетов В. Д. Типология и генезис русских аргос / В. Д. Бондалетов. — Рязань: РГПИ, 1987. — 82 с.
12. Вахитов С. В. Словарь уфимского сленга / С. В. Вахитов. — Уфа: Вагант, 2004. — 236 с.
13. Веселова М. Н. Исторический город как текст русской культуры: Дисс. ... канд. культурологи: 24.00.01 — Теория и история культуры / Мария Николаевна Веселова. — СПб., 2009. — 192 с.
14. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. — 3-е изд. / В. В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1982. — 529 с.
15. Гайдамак Н. А. Диалектизмы как составная часть народно-разговорной речи современного города: На материале речи жителей г. Омска: дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.01 — русский язык. — Омск, 2003. — 271 с.
16. Гойхман О. Я. Речевая коммуникация / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ixbook.net/read_rechevaia_kommunikaciya_id33906.html — 70 с. Время доступа: 10.10.2011.
17. Горбач О. Аргос в Україні / Олександра Горбач. — Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2006. — 688 с. (Діалектологічна скриня)
18. Городское просторечие. Проблемы изучения / [ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв; АН СССР. Ин-т русского языка]. — М.: Наука, 1984. — С. 5—12.
19. Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии / И. М. Гревс // Экскурсионное дело. — 1922. — № 1. — С. 11—32.
20. Грузберг Л. А. Что такое реальная речь современного горожанина? / Л. А. Грузберг // Языковой облик уральского города. — Свердловск, 1990. — С. 8—15.
21. Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X—XIII века) / В. П. Даркевич // Вопросы истории. — 1994. — № 10. — С. 43—60.
22. Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России) / Владимир Долопчев. — Одесса: Типография «Одесский Вестник», 1886. — 180 с.
23. Елистратов В. С. Язык старой Москвы: лингвоэнциклопедический словарь / В. С. Елистратов. — М.: Русские словари, 1997. — 704 с.
24. Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи горожан: учеб. пособие / Т. И. Ерофеева. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1979. — 91 с.
25. Ерофеева Т. И. «Речевой портрет» говорящего / Т. И. Ерофеева // Языковой облик уральского города: сб. научн. тр. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990.
26. Ерофеева Т. И. Опыт исследования речи горожан: территориальный, социальный и психолінгвістический аспекты / Т. И. Ерофеева. — Свердловск, 1991.
27. Жильцова Т. П. Локальные особенности предупредительного вокализма в речи жителей г. Красноярск // Сибирские говоры: Функционирование и взаимодействие диалектной речи и литературного языка. — Красноярск, 1988. — С. 3—9.
28. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. — Л.: Худож. лит., 1936. — 300 с.
29. Зеленецкий К. П. О русском языке в Новороссийском крае / К. П. Зеленецкий. — Одесса: Францов и Нитче, 1855. — 34 с.
30. Зеленов Л. А. Социология города / Л. А. Зеленов. — М.: Владос, 2000. — 192 с.
31. Земская Е. А. Городская устная речь и задачи её изучения // Разновидности городской устной речи. — М., 1988. — С. 5—44.
32. Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города / Вяч. Вс. Иванов // Семиотика пространства и пространство семиотики: труды по знаковым системам. — Т. 19 / Учёные записки [Тартуского ун-та]. — Тарту, 1986. — Вып. 720. — С. 7—24.
33. Иванов Вяч. Вс. Языки большого города / Лингвистика третьего тысячелетия / Вяч. Вс. Иванов. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 106—122.
34. Исмагилова Н. В. Язык города Уфы: функционирование различных языковых подсистем и билингвизма: дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.19 — теория языка / Нурия Винаеровна Исмагилова. — Уфа, 2007. — 299 с.
35. Каринский Н. М. Язык образованной части населения города Вятки и вятские говоры // Ученые записки Института русского языка и литературы. — М., 1929.
36. Китайгородская М. В. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — М., 1999. — 253 с.
37. Колесов В. В. Язык города / В. В. Колесов. — М.: Высшая школа, 1991. — 192 с.
38. Кудрейко И. О. Мовна ситуація на території міст Донеччини: синхронний і діакронний аспекти / І. О. Кудрейко // Соціолінгвістичні студії / Ін-т укр. мови НАН України. — К.: ВД Дм. Бураго, 2010. — С. 44—51.
39. Кудрявцева Л. А. Русское городское просторечие: Киев — 2000 / Л. А. Кудрявцева // Русистика: научн. сб. / [Киевский нац. ун-т им. Т. Г. Шевченко]. — Киев: КНУ, 2001. — Вып. 1. — С. 4—8.
40. Кудрявцева Л. А. Словарь молодёжного сленга города Киева / Л. А. Кудрявцева, И. Г. Приходько. — Киев, 2006. — 192 с.
41. Купина Н. А. Отражение русского типа в мужской речи горожан-провинциалов / Н. А. Купина, И. В. Шакина // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. — Красноярск; Ачинск, 1998. — Вып. 6. — С. 48—56.
42. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / Уильям Лабов; [пер. с англ. Ю. Д. Апресян] // Новое в лингвистике. Социолінгвістика. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. VII. — С. 96—181.
43. Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах / Уильям Лабов; [пер. с англ. Ю. Д. Апресян] // Там же. — С. 320—335.
44. Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // История русского языка и общее языкознание (избранные работы) / Б. А. Ларин. — М.: Просвещение, 1977. — С. 189—199.

45. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города / Там же. — С. 175—189.
46. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Петербург: труды по знаковым системам. — Т. 18 / Учёные записки [Тартуского ун-та]. — Тарту, 1984. — Вып. 664. — С. 30—45.
47. Лютикова В. Д. Языковая личность и диалект / В. Д. Лютикова. — Тюмень, 1999.
48. Макдэвид Р. И. Диалектные и социальные различия в городском обществе / Р. И. Макдэвид; [пер. с англ. Г. С. Шур] // Новое в лингвистике. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. VII: Социолингвистика. — С. 363—381.
49. Максимов Б. Б. Фильтруй базар: Словарь молодёжного жаргона г. Магнитогорска / Б. Б. Максимов. — Магнитогорск, 2002. — 506 с.
50. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. / В. А. Маслова. — Минск: ТетраСистемс, 2008. — 272 с.
51. Мерфи Р. Американский город / Пер. с англ. В. Ковалевский / Рэймонд Мерфи. — М.: Прогресс, 1972. — 320 с.
52. Никитин М. В. Отражение тематики города в мифологических словарях / М. В. Никитин // IV Житни-ковские чтения: Актуальные проблемы лексикографических научных исследований. — Челябинск, 2000. — Ч. 1. — С. 262—267.
53. Никитина Т. Г. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область) / Т. Г. Никитина, Е. И. Рога-лёва. — М.: ЭЛПИС, 2006. — 384 с.
54. Осипов Б. И. Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: теоретические аспекты / Б. И. Осипов, Г. А. Боброва, Н. А. Имедадзе, Г. А. Кривокубова, М. Л. Одинцова, А. А. Юнаковская. — Омск, 1994. — 144 с.
55. Прокуровская Н. А. Система просторечной предикации и отражённая в ней ментальность современного горожа-нина. Основные стили общения / Н. А. Прокуровская // Городская разговорная речь и проблемы её изучения. — Омск: Изд-во ОмГУ, 1997.
56. Рабинович О. Мориц Сефарди: [повесть] / Осип Рабинович // Литературные вечера. — Одесса: Н. Фумели, 1850. — Ч. 2. — С. 5—154.
57. Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение: в 2 т.; [пер. с нем.] / Фридрих Ратцель. — СПб.: Просвещение, 1905. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.boengo.com/Problema-nauchnogo-opredeleniya-ponyatiya-gorod.html>. Время доступа: 10.12.2011.
58. Романец Л. А. Прецедентные феномены в стихотворениях Измаила Гордона об Одессе / Л. А. Романец // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса: Астропринт, 2009. — № 14. — С. 47—52.
59. Романец Л. А. Характеристика концепта <Одесса> в поэтическом военно-историческом дискурсе Великой Отечественной войны / Л. А. Романец // Научові записки Кіровоградського пед. ун-ту. — Сер. Філологічні науки (мо-вознавство): У 2 ч. — Кіровоград: РВВ КПДУ ім. В. Винниченка, 2011. — Вип. 95. — Ч. 1. — С. 265—270.
60. Рымарь Н. Н. Одесса и Северное Причерноморье в жизни и творчестве польских писателей (по материа-лам Одесского государственного литературного музея) / Н. Н. Рымарь, Е. Н. Степанов // Stosunki kulturowo-literackie polsko-wschodniosłowiańskie. — Rzeszów: Wyd-wo WSP, 1995. — S. 231—240.
61. Рындина О. М. Город как центр культуры / О. М. Рындина // По очагам культуры: Новые темы для экскурсий по городу: методический сборник / Под ред. И. М. Гревса. — Л.: Сейтель, 1926. — С. 148—167.
62. Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца / Н. А. Синдаловский. — СПб.: Норинт, 2003. — 320 с.
63. Синяевский А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе / А. С. Синяевский. — М.: Наука, 2003. — 286 с.
64. Сиротинина О. Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи. — М.: Наука, 1988. — С. 247—253.
65. Словарь современного русского города. Около 11 000 слов. Около 1000 идиоматических выражений / Под ред. Б. И. Осипова. — М.: Русские словари, Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003. — 564 с.
66. Смирнов В. П. Таки да большой полутолковый словарь одесского языка: в 4 т. — Одесса, 2005.
67. Степанов Е. Н. Мовна ситуація в Одесі напередодні 2000 року / Е. Н. Степанов // Четвертий міжнародний конгрес україністів: Доповіді та повідомлення. Південь України. Одеса. — Одеса: Астропринт, 1999. — С. 293—297.
68. Степанов Е. Н. Торгово-финансовая деятельность одесситов и городское койне / Е. Н. Степанов // Вісник Черкаського університету. — Черкаси, 2003. — Вип. 46. — С. 17—25. (Сер. Філологічні науки).
69. Степанов Е. Н. Влияние многоязычия Одессы на языковую картину мира А. С. Пушкина (к постановке про-блемы) / Е. Н. Степанов // А. С. Пушкин и мировой литературный процесс: сб. науч. статей по мат-лам Междунар. науч. конф., посв. памяти проф. А. А. Слюсаря. — Одесса: Астропринт, 2005. — С. 409—412.
70. Степанов Е. Н. Російське мовлення Одеси: [монографія] / [ред. Ю. О. Карпенко; ОНУ ім. І. І. Мечникова]; Е. Н. Степанов. — Одеса: Астропринт, 2004. — 496 с.
71. Степанов Е. Н. Язык города в социальном и цивилизационном процессе / Е. Н. Степанов // Мова. — Одеса: Астропринт, 2006. — № 11. — С. 44—54.
72. Степанов Е. Н. Особенности концептуальной и языковой картины мира горожанина: факторы порождения и зоны проявления (на материале русской речи одесситов) / Е. Н. Степанов // Русистика. — Киев: ВПЦ Київський ун-т, 2006. — Вып. 5—6. — С. 49—58.
73. Степанов Е. Н. Об Одессе серьёзно: размышления по поводу романа Валерия Смирнова «Гроб из Одессы» / Е. Н. Степанов // В. П. Смирнов. Пятый угол. — Одесса: Полиграф, 2007. — С. 304—318.
74. Степанов Е. Н. Фразеология города как лингвокультурное пространство / Е. Н. Степанов // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного ун-ту. — Ізмаїл, 2008. — Вип. 25. — С. 130—135.
75. Степанов Е. Н. Факторы формирования городских прецедентных феноменов: к постановке проблемы / Е. Н. Степанов // Коммуникативные аспекты грамматики и текста / Под ред. А. Чапиги и З. Чапиги. — Rzeszów: Wyd. Uniwersytetu, 2009. — С. 359—366.
76. Степанов Е. Н. Городская фразеология Одессы и Санкт-Петербурга как отражение их лингвокультурологиче-ских пространств / Е. Н. Степанов // Слово есть Дело: Юбилейный сб. научных трудов в честь проф. И. П. Лысако-вой. — С. 16. — Сударыня, 2010. — Т. 1. — С. 112—122.
77. Стецюченко А. Самоучитель полуживого одесского языка с комментариями, дополнениями, толковым словарём / А. Стецюченко, А. Осташко. — М.-Одесса: Новое время, 1999. — 92 с.
78. Федянина О. Н. Некодифицированная лексика языка города Кирова: На материале просторечия и жаргона: дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.01 — русский язык. — Калуга: КГУ, 1997. — 285 с.
79. Тыхеева Ю. Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии) / Ю. Ц. Тыхеева. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva>. Время доступа: 15.03.2010.

80. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: лингвокультурные типы / И. В. Шалина // Известия Урал. ун-та. — 2009. — № 4 (70). — С. 144—150. (Серия 2. Гуманитарные науки. Филология. Языкознание).
81. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии: монография / И. В. Шалина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 444 с.
82. Шалина И. В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен: автореф. дисс. ... доктора филол. н.: 10.02.01 — русский язык / Ирина Владимировна Шалина. — Екатеринбург, 2010. — 43 с.
83. Шумарова Н. П. Про розвиток мовної ситуації в Києві / Н. П. Шумарова // Язык и культура: IV междунар. конф.: материалы. — Киев: Collegium, 1996. — Ч. 2. — С. 183—197.
84. Яковлева Е. А. Особенности русского речевого поведения горожанина в полиэтнической среде / Е. А. Яковлева // Проблемы коммуникации и номинации в концепции общегуманитарного знания. — Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. — С. 188—196.
85. Geddes P. Cities in evolution / Patrick Geddes. — London: Williams & Norgate, 1915. — 117 p.
86. Gruchmanowa M. Mowa mieszkańców Poznania / Gruchmanowa M., Witaczek-Samborska M., Żak-Święcicka M. — Poznań: Wyd. Poznańskie, 1986. — 176 s.
87. Mumford L. The city in history. Its Origins, its Transformations, and its Prospects / Lewis Mumford. — London: Harcourt, 1961. — 568 p.
88. Saunders P. Social Theory and the Urban Question / Peter Robert Saunders. — London: Hutchinson, 1981. — 234 p.
89. Seiffert-Nauka I. Dawny dialekt miejski Lwowa / I. Seiffert-Nauka. — Wrocław: Wyd. Uniw. Wrocławskiego, 1993. — Cz. 1: Gramatyka. — 172 s.
90. Wedel E. «Одесситы» — Bemerkungen zum heutigen Russisch von Odessa / Erwin Wedel // Ars transferendi Sprache, Übersetzung, Interkulturalität: Festschrift für Nikolai Salnikow zum 65: Geburtstag. — Sonderdruck, 1997. — S. 247—259.
91. Wiczorkiewicz B. Gwara warszawska dawniej i dziś / Bronisław Wiczorkiewicz. — Warszawa, 1974.

Г. М. Степанов

МІСТО В КОНТЕКСТІ НАУКОВОЇ ЛІНГВІСТИЧНОЇ ПАРАДИГМИ

У статті подано аналіз урбанолінгвістичних досліджень нової та новітньої доби, виконаних у межах діалектично взаємозумовлених наукових парадигм: порівняльно-історичної, системно-структурної й антропоцентричної. Визначено місце урбанолінгвістики серед інших напрямів урбанології та місце російської урбанолінгвістики у світових дослідженнях мови міста.

Ключові слова: російське міське койне, урбанолінгвістика, наукова парадигма, порівняльно-історична парадигма, системно-структурна парадигма, антропоцентрична парадигма.

Ye. N. Stepanov

CITY IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC RESEARCH PARADIGMS

The article analyzes the urbanolinguistic studies of modern and contemporary periods, carried out under the dialectically interrelated scientific paradigms: comparative and historical, systemic and structural, anthropocentric. The place of urbanolinguistics among other areas of urbanology and the place of Russian urbanolinguistics among the world researches of city dwellers' speech is defined.

Keywords: Russian urban, urbanolinguistics, scientific paradigm, comparative and historical paradigm, systemic and structural paradigm, anthropocentric paradigm.

УДК 81'26'271.12'42'322.2

С. В. ПЛОТНИЦКАЯ

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС ЯЗЫКА

Статья посвящена вопросам возникновения корпусной лингвистики, её участия в процессе развития языка нации и изучения различных аспектов функционирования языковой системы.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, национальный корпус текстов.

С оптимизацией гносеологической функции языка связана корпусная лингвистика, разрабатывающая общие принципы построения лингвистических корпусов с использованием современных компьютерных технологий. В настоящее время в научном слове лингвистов появляются очень близкие понятия: «электронные библиотеки», «массив текстов», «коллекция текстов», «электронный архив», «полнотекстовая база данных». Среди них можно выделить лингвистические, или языковые, корпусы. По мнению А. Н. Баранова, корпус текстов — это вид корпуса данных, единицами которого являются тексты, включающие полные фрагменты макроструктуры